

Научная статья
УДК 811.134.2
doi: 10.17223/19986645/98/7

Средства прагматического фокусирования в испанском дипломатическом дискурсе XVIII–XIX вв.

Ольга Владимировна Нешкес¹

¹*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
nesh_86@mail.ru*

Аннотация. На основе семидесяти донесений испанских дипломатов в России, датированных 1761–1825 гг., рассматриваются вопросы функционирования прагматических явлений в дипломатическом дискурсе: приводится описание коммуникативно-прагматических функций донесений, показывается роль дейксиса и оценки как лексических средств прагматического фокусирования при реализации персуазивного воздействия. Делается вывод о том, что такие языковые средства имплицитно оказывали влияние на формирование у получателей дипломатических сообщений мнения о «чужом» государстве.

Ключевые слова: международные отношения, «свой–чужие», дипломатические донесения, дейксис, лексическая оценка, прагматическое фокусирование

Для цитирования: Нешкес О.В. Средства прагматического фокусирования в испанском дипломатическом дискурсе XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 98. С. 122–140. doi: 10.17223/19986645/98/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/98/7

Means of pragmatic focusing in Spanish diplomatic discourse of the 18th–19th centuries

Olga V. Neshkes¹

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, nesh_86@mail.ru*

Abstract. The article studies the pragmatic phenomena in historical diplomatic discourse. It aims to describe the communicative-pragmatic functions of diplomatic documents of the past and to determine the role of deixis and lexical evaluation as means of pragmatic focusing in the implementation of persuasive impact. The material of the study consists of seventy handwritten diplomatic reports of Spanish envoys to Russia addressed to the state secretaries of Spain in the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries. The considered diplomatic documents highlight the issues of history, politics, economics, social structure, as well as on key political figures of the foreign country. The study has shown that a diplomatic report represents informative and persuasive functions, the lines of which are blurring due to the pragmatic focusing means introduced into the text. The authors of documents typically used deixis (demonstrative, possessive, indefinite adjectives) as a way of determining the so-called

"ours" and "theirs". A semantic-statistical analysis has shown that the largest number of deictic means in combination with other lexemes related to the semantic area of "ours" (65.62%) and the area of "theirs" (55.42%) are concentrated in documents verbalizing the topic of a possible conflict and rivalry between powers. When a diplomatic report starts with demonstrative adjectives (especially *este*), used for partial substitution of proper names, it may focus the addressee's attention on significant fragments of the text and to express the author's intention to distance himself from an object of the utterance. A significant role in the aspect of pragmatic focusing is played by lexical evaluation, which contributes to the formation of the addressee's predetermined image of another country. The study has shown that diplomats used expressive-evaluative vocabulary to convince their superiors of the expansionist nature of the policy of Russia, that potentially could interfere with Spanish interests, but at the same time they expressed the need for mutually beneficial trade. The portrait of Catherine II, created by the Spanish envoy, also appears to be axiologically ambivalent. Such variability in estimates may be due to changing political conditions in the context of relations between Russian and Spanish Empires.

Keywords: international relations, "ours–theirs", diplomatic reports, deixis, lexical means of evaluation, pragmatic focusing

For citation: Neshkes, O.V. (2025) Means of pragmatic focusing in Spanish diplomatic discourse of the 18th–19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 98. pp. 122–140. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/98/7

Введение. Материал и методы исследования

Исследование институциональных форм дискурса на материале различных языков, в том числе испанского, в настоящее время приобретает всё большую востребованность среди языковедов. В частности, изучение особенностей дипломатической коммуникации стало предметом научного интереса отечественных и зарубежных ученых (М.В. Беляков, Т.А. Волкова, В.И. Карасик, А.С. Кожетева, Ю.С. Степанов, Л.М. Терентий, В.Е. Чернявская, E. Borau Boira, A. Ostrower, E. Menezes de Carvalho, M. Robles Gómez и др.). В работах указанных исследователей рассматриваются языковые средства дипломатии на современном этапе. При этом дипломатический дискурс в его историческом измерении остается недостаточно изученным в дисциплинах филологического спектра. «Дипломатия всегда была и остается достаточно закрытой, “тихой” сферой межкультурной коммуникации... Этой особенностью объясняется незначительное количество работ, посвященных, в частности, лингвистическим аспектам дипломатических текстов и дипломатической коммуникации в целом» [1. С. 59]. В научных трудах лингвистов освещаются преимущественно вопросы дипломатического метаязыка прошедших веков и переводческая проблематика [2–7], однако область прагматических явлений историко-дипломатического дискурса все еще находится вне поля зрения исследователей.

Несмотря на активное развитие исторической прагматики, направления, исследующего «коммуникативные аспекты языка предшествующих эпох» [8. С. 46], остаются неизученными некоторые документные жанры, к числу

которых относятся дипломатические донесения. Вместе с тем они отражают языковые, исторические и культурные особенности сторон – участниц международных отношений и могут рассматриваться не только в традиционном политическом измерении, но и в сопряженном с ним культурно-прагматическом аспекте. Исследование дипломатических донесений позволит реконструировать лингвистические и экстралингвистические факторы в ходе межгосударственных отношений, влияющие на формирование представлений о другом государстве членов соответствующих лингвокультур, что представляется актуальным в свете тенденций развития современного языкознания, характеризующегося междисциплинарностью.

Целью настоящей статьи является описание языковых средств прагматического фокусирования, имплицитно воздействующих на адресата дипломатического сообщения и способствующих закреплению у него определенного образа другой страны.

Материалом исследования послужили семьдесят рукописных архивных документов, представляющих собой дипломатические донесения испанских посланников в России в адрес государственных секретарей правительства Испании¹. Рассматриваемые донесения – это отчеты дипломатов своему руководству о событиях в области истории, политики, экономики, а также о ключевых политических фигурах страны их пребывания. Данные документы демонстрируют особенности и характер взаимоотношений Российской и Испанской империй в период интенсивного освоения североамериканских земель во второй половине XVIII в. Испанская колонизация, создание миссий и поселений на территориях к северу от вице-королевства Новая Испания (ныне Мексика и штат Калифорния США) со стороны Тихого океана началось в XVIII в. [9. С. 39]. Основанием для активных действий Испании в освоении новых территорий стало продвижение России к своим восточным окраинам и выход к Тихому океану. «Стремясь защитить испанские права на этот регион, власти Испании отправили ряд экспедиций к берегам нынешних Аляски и Канады. В те времена первое наблюдение или открытие территории давало нации право собственности на колонизируемые земли» [10. С. 70]. Кроме этого, нами рассмотрены документы о российско-испанском взаимодействии второй половины XVIII в. в сфере торговли. Также в основу нашего исследования легли документы первой четверти XIX в. В этот период Испания претерпевала политический кризис, сопровождавшийся войнами за независимость, революцией и потерей значительной части колоний в Латинской Америке. Эти события заняли важное

¹ Анализируемые в исследовании документы были найдены в исторических архивах Испании – Архиве Индий (*Archivo General de Indias*) и Национальном историческом архиве (*Archivo Histórico Nacional*). Перевод (с испанского языка на русский) части документов был опубликован в коллективной монографии в документах «Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов)» / сост., под общ. ред. А.Ю. Петрова; ред.-сост. В.Н. Косторниченко. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2020. 248 с.

место в международной политике XIX в. и оказали большое влияние на отношения между указанными державами, что, несомненно, нашло широкое отражение в дипломатической переписке [11. С. 41].

При работе с материалом мы использовали методы лингвистического анализа с привлечением методов исторического анализа. В частности, для выявления механизмов речевого воздействия адресантов дипломатических донесений были применены методы функционально-прагматического, лингвостилистического и лингвоаксиологического анализа, а также метод количественного и качественного анализа текста (контент-анализ). При реконструкции исторического контекста изучаемых документов мы руководствовались историко-типологическим и историко-генетическим методами исследования.

Ход исследования и результаты

«Каждый дискурс, воплощаемый в коммуникативном действии, сопряжен с той или иной стратегией, смыслом его создания и функционирования» включает в себя идеи, ценностные установки, формирует «символическое поле коммуникации» [12. С. 136]. Дипломатический дискурс имеет институциональный характер, его ключевой задачей является защита национальных интересов на внешнеполитической арене, что непосредственно коррелирует с такими социально и культурно обусловленными категориями, как «свой» и «чужой»; он также имплицитно широкий контекст культурно-исторических событий, памяти и предыдущий опыт его продуцентов.

Участниками дипломатического дискурса (в качестве адресанта) могут являться дипломаты, главы стран и другие лица, реализующие внешнюю политику государств, с одной стороны, и представители того же института дипломатии, руководители государств, деловая общественность, пресса (в качестве адресата) – с другой [13. С. 55]. С учетом характера адресата выделяется публичная и непубличная форма дипломатического дискурса. Также с точки зрения коммуникативной направленности целесообразно разграничить внешнюю и внутреннюю ее формы. Первая проявляется через интеракцию с членами других государств (правительств), она может быть в равной степени публичной и непубличной, в отличие от второй формы, которая осуществляется в рамках одного институционального образования и имеет исключительно непубличный характер.

Объектом нашего изучения является непубличный дискурс в сфере российско-испанских отношений, результатом и частью которого стали письменные документы (донесения (отчеты)) испанских посланников в России, направляемые высшим чиновникам Испании, принимающим решения по вопросам внешней политики своей страны.

Согласно передаваемым от руководства инструкциям, в обязанности дипломатического представителя входил сбор информации о стране пребывания, ее анализ, выстраивание отношений с официальными лицами – представителями данной страны и, кроме этого, формирование аналитических

заклучений и предложений в отношении представляющих важность событий. Таким образом, дипломатическое донесение заключало в себе как информативную, так и персуазивную (воздействующую) функции. К XVIII в. композиционная структура дипломатического документа приобрела формализованный характер. В донесении фигурировали обязательные элементы – тема, дата отправки, имя отправителя и получателя. Содержательная часть документа начиналась с преамбулы, затем следовало и введение, фактологический и аргументационный разделы и заключение. Соответственно, прагматические функции информирования и воздействия осуществлялись преимущественно в фактологическом и аргументационном разделах документа.

Информирование сопровождалось введением в текст перформативных глаголов, выражений со значением «информировать», «сообщать», «уведомлять».

Esto es cuanto puedo informar a V.E. en el día, sobre este particular, sobre el cual espero más adelante poder dar a S.M. todas las noticias y conocimientos... [14]. *Это все, что я могу сообщить Вашему Высокопревосходительству на сегодняшний день по данному вопросу. Надеюсь, что смогу вскорости предоставить Вашему Высокопревосходительству все новости и сведения...* [9. С. 79].

Передача актуальных сведений являлась приоритетным аспектом в работе посланников, поэтому в фактологическом разделе документов наличествуют формы глаголов настоящего времени и соответствующие наречия (*este día, este mes, este año, ahora, hasta ahora, actualmente*).

Функция информирования также эксплицируется при помощи интертекстуальных отсылок, указывающих или вербализирующих предтекст [15. С. 134], благодаря которым осуществляется тематическая когерентность дискурса [16. С. 192]. Это, например, референции к документам, ранее поступивших в адрес или от дипломата, пересказ или косвенное цитирование сообщений, полученных от различных официальных лиц. Так, в одном из своих донесений испанский посланник в России граф Ласи¹ сообщает о сделанном им отчете, касающемся плаваний русских к американским территориям. Посланник ссылается на направленное им ранее письмо на схожую тему.

Mientras halle ocasión para remitir a V.E. dicha relación, voy a referir a V.E. lo... más esencial de ellas rectificando las especies vagas que solo pude comunicar a UE en mi carta de siete de Febrero, número diez y nueve sobre el

¹ Граф Ласи (*Conde de Lacy*) (1731–1792) – испанский посланник в России (Санкт-Петербург) с 1772 г. В данных Ласи инструкциях от государственного секретаря правительства Испании маркиза де Гримальди (*Marqués Jerónimo Grimaldi*) говорилось о «плаваньях, которые неоднократно совершали в Калифорнию русские с большим успехом, нежели другие народы». Посланнику вменялось в обязанность выяснить, «предпринимались ли повторно такие экспедиции и с каким результатом, или же от этой идеи отказались».

*consabido viaje de los Capitanes Behring y Tschiricow*¹... [17]. Пока имеется возможность переслать Вашему Высокопревосходительству означенный доклад, хочу отметить для Вас наиболее важные новости, исправив при этом неясные места, о которых я смог сообщить Вашему Высокопревосходительству в письме от седьмого февраля за номером девятнадцать, в коем говорится о вышеуказанных плаваниях капитанов Беринга и Чирикова... [9. С. 88].

Кроме актуальности и информационной значимости, принципиальное значение в дипломатических донесениях имеют достоверность и объективность преподносимых адресантом фактов [18, 19]. Вместе с тем характерной чертой изложения в дипломатическом документе является сдержанность [18]. При оценке возможности, достоверности тех или иных событий посланники стремились исключать категоричность и не использовали в высказываниях от первого лица лексемы: *sin duda, seguramente, por cierto*. В представленном примере посланник граф Ласи дает сдержанную оценку достоверности разведанных им данных. Здесь использована безличная конструкция, благодаря которой дипломат как будто бы снимает с себя ответственность за изложенное (*solo puedo afirmar... parece no hay duda*), что подтверждается высказыванием о необходимости верифицировать полученные сведения (*las demás circunstancias del hecho las doy como especies divulgadas y que procura aclarar*). Вместе с этим он фокусирует внимание адресата на значимости полученной информации (*ha hecho descubiertas importantísimas*).

Varios rusos añaden que esta nación ha hecho descubiertas importantísimas por aquella parte y que esta corte espera circunstancias más favorables para aprovechar de las ventajas que le prometen las noticias que ha adquirido sobre este particular. Pero en todo esto solo puedo afirmar la certeza del viaje del Mr. Tschericow en el que parece no hay duda. Las demás circunstancias del hecho las doy como especies divulgadas y que procura aclarar... [20]. От русских также известно, что под их флагом в тех краях были совершены весьма важные открытия и что их правительство ожидает наступления более благоприятных обстоятельств, чтобы воспользоваться результатами экспедиции. В отношении всего сказанного я могу лишь подтвердить достоверность плавания г-на Чирикова, в которой, кажется, нет никаких сомнений. Все остальные подробности мне известны лишь из разговоров, и я постараюсь выяснить их правдивость... [9. С. 87].

Как было обозначено ранее, дипломату предписывалось не только описывать факты, события и давать им оценку, но и формулировать предложения своему руководству. Коммуникативно-прагматическая функция донесения предполагала наличие персуазивного воздействия, целью которого выступает убеждение адресата и (или) призыв к (не) совершению им каких-либо действий.

¹ Все цитируемые фрагменты приведены в соответствии с оригинальной орфографией архивных документов-источников.

Приведенный выше пример демонстрирует, насколько информативная функция тесно связана с воздействующей (персуазивной). С одной стороны, персуазивное воздействие основывается на рациональной аргументации (адресант оперирует фактологическими данными для обоснования своей позиции), а с другой – оценка преподносимых фактов красной нитью проходит сквозь все повествование. Представляется, что существуют имплицитные способы воздействия на адресата, рассмотрение которых представляет основной предмет нашего исследования.

По замечанию Н.В. Литвака, дипломаты в своих отчетах использовали «необычные, привлекающие внимание слова, выражения, детали, делающие запоминающейся их информационную часть» [21. С. 115]. То есть адресант намеренно старался привлечь внимание реципиента информационного сообщения на значимые фрагменты текста. Согласно определению О.А. Богдановой, «система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования текстовых элементов, несущих более значимую информацию» представляет собой прагматическое фокусирование [22. С. 7]. Способами привлечения внимания адресата, согласно Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарину, может являться повторяемость в тексте различных явлений лексического, грамматического и синтаксического порядка (рекуррентная лексика, грамматические формы, сравнительные конструкции и т.п.) [23. С. 216–219].

В ходе работы над материалом исследования было выявлено, что характерной чертой испанских дипломатических донесений являлось использование дейксиса как лексического средства прагматического фокусирования при осуществлении адресантом персуазивного воздействия (в первую очередь, указательных прилагательных с номинациями титулов, учреждений). Такие указательные прилагательные как *este*, *ese*, *aquel*, кроме анафорической или дейктической референции [24], способны нести прагматическую нагрузку. Наиболее часто встречающееся в донесениях прилагательное *este* в сочетании с титулом или институцией в начале документа, т.е. при первом его упоминании в тексте, может выступать эмфатизирующим элементом [25. С. 35]. Дейктические указатели являются инструментом разграничения личной зоны говорящего (пишущего) на «свое» и «чужое» (для дипломатического дискурса – это зона своих и чужих национальных интересов) [26–28]. Как уже отмечалось, такая дифференциация на «своих» и «чужих» в целом свойственна дипломатическому дискурсу, как и политическому дискурсу, где «чужие» репрезентируются часто в негативном ключе [29–31]. Рекуррентность дейктических средств в области одних и тех же референтов демонстрирует имплицитную интенцию отправителя сообщения маркировать «своего» / «чужого».

Для иллюстрации представленных положений обратимся к конкретным примерам.

Если в начале 1760-х гг. испанские посланники, докладывая о российских экспедициях на север Тихого океана, указывали о слабой вероятности продвижения русских в Калифорнию [9, 32], то к 1770-м гг. в сообщениях

испанских дипломатов появилась нота обеспокоенности. Граф Ласи в донесении от 1773 г. сообщает следующее.

Esta soberana podría continuar después sus conquistas ventajosas a este Imperio el que según el [plan] tiene más derecho que ninguna otra Potencia a la América [33]. Эта императрица могла бы продолжить дальнейшие успешные завоевания в пользу этой (Российской. – О.Н.) империи, которая, согласно указанному плану, имеет больше прав на Америку, чем любая другая держава [9. С. 94].

Особое внимание заслуживает тот факт, что субституция имени российской государыни¹ указательным прилагательным *esta* применена в самом начале письма, при том, что тема-рематическая организация любого документа, включая дипломатическое донесение, предусматривает экспликацию новой информации во вступлении. В связи с этим логично предположить, что *esta soberana* является темой – известным для адресанта и адресата фактом. Таким образом, данная замена видится нам не случайной, скорее, задуманной автором, и служит способом привлечения внимания адресата к значимому с позиции адресанта фрагменту текста.

В одном из документов, также в самом его начале, испанский дипломат пишет о интервенционистских планах России, на что указывают фигурирующие в микроконтексте лексемы *vastos proyectos, invasión, de guerra* в совокупности с дейктическим словом *esta* применительно к российскому двору.

Muy Señor mío: son tan vastos los proyectos de esta Corte, que tiene un Plano formado de hacer una invasión en la China... La ambición no se contenta con ese Proyecto. Se piensa al mismo tiempo de hacer una expedición marítima en el Kamtshatka contra el Japón, a cuyo fin se ha mandado en los Astilleros de los Fuertes de San Pedro y San Pablo de construir algunas embarcaciones de guerra [34]. Ваше Высочайшее превосходительство, планы этого (российского. – О.Н.) двора столь обширны, что один из них касается вторжения в Китай... Амбиции, впрочем, не ограничиваются этим проектом: одновременно на Камчатке планируется направленная против Японии морская экспедиция, для которой приказано построить несколько боевых кораблей на верфях флотов Святого Петра и Павла [9. С. 92].

В ином донесении, относящемся к XIX в., временный поверенный в делах Педро Алькантара Аргаис сообщает о намерении обратиться в Министерство иностранных дел (МИД) Российской империи за поддержкой при решении вопроса, связанного со статусом признания независимости испанских колоний и о невмешательстве во внутренние дела Испанского государства других держав. Несмотря на общий положительный контекст документа касаясь российско-испанского взаимодействия, в тексте наблюдается демаркация по признаку «свой – чужой»: полное наименование Министерства иностранных дел при первом его упоминании в тексте письма субституировано указательным прилагательным *este*.

¹ Речь идет о Екатерине II.

*En mi número anterior digo a V.E. que en dos otras ocasiones hubiera tomado sobre mí dar algún paso cerca de **este Ministerio**, pero que la falta de noticias de América y aún de la Península me lo habían impedido [35]. В своем предыдущем письме я поведал Вашему Высокопревосходительству о том, что в двух других случаях я бы взял на себя смелость обратиться в **это Министерство**¹, но отсутствие новостей из Америки и даже с полуострова (Испания. – О.Н.) помешало мне сделать это (перевод наш. – О.Н.).*

Еще более показательным с точки зрения репрезентации роли дейкиса при маркировании «чужих» является следующий фрагмент. Педро Алькантара Аргаис сообщает, что первым делом он попытался завязать дружеское общение и вступить в предварительные переговоры с МИД Российской империи относительно того, какое впечатление произвело послание президента Соединенных Штатов Америки на испанского короля в отношении фактического признания независимости заокеанских испанских провинций, и получил положительный ответ, заверяющий в поддержке Россией испанского короля. Отметим, что в одном микроконтексте дважды встречаются указательные прилагательные в сочетании с институциями, при этом автор подчеркивает сложное положение, в котором оказался (*la difícil posición*), учитывая другое устройство – не похожее на испанское, государственной системы (*régimen interior no está en armonía con el nuestro*).

*Vi la respuesta de **este Ministerio** en esta vez dan lisonjero como S.M. se la haya prometido, creo que a lo menos V.E. conocerá **la difícil posición** en que las circunstancias me ponen cerca de **este Gobierno** cuyo **régimen interior no está en armonía con el nuestro** [36]. Я лицезрел весьма лестный ответ **этого министерства**, как Его Величество и предвидел, я думаю, что по крайней мере, Вы знаете, в какое **трудное положение** поставили меня обстоятельства, связанные с **этим** правительством, чей внутренний режим не соответствует нашему (перевод наш. – О.Н.)*

Примечательно, что в рассматриваемом дипломатическом документе номинация МИД России фигурирует лишь единожды в результирующей – заключительной части документа, и в контексте благоприятного взаимодействия российской и испанской стороны.

*En el intermedio **he tenido la satisfacción** de saber que **el Ministerio Imperial ruso** estaba satisfecho del estilo y lenguaje de todas las comunicaciones, así como también de la franqueza y lealdad con que les he hecho ver la justicia que asiste a la nación, y el sistema que el Gobierno ha adoptado [36]. Между тем я **имел удовольствие узнать**, что **российское министерство** было удовлетворено стилем и языком всех сообщений, а также откровенностью и лояльностью, с которыми я отметил справедливость сей нации, и систему, которую приняло правительство (перевод наш. – О.Н.)*

Приведенные примеры отображают закономерность, заключающуюся в том, что указательное прилагательное *este* ближнего дейкиса используется

¹ Речь идет о Министерстве иностранных дел Российской империи.

в контексте отстранения от объекта высказывания [37. С. 62]. Как отмечает М.А. Гонсалес Перес в своем диссертационном исследовании о контекстуальной зависимости употребления демонстративов в испанском языке, местоимение (прилагательное) *este* может заменять указательное местоимение (прилагательное) дальнего дейксиса *aquel* в качестве прагматической стратегии привлечения внимания слушателя / читателя [38. Р. 36]. Также объяснение применения такого приема видится не столько в области прямого указания на физическое местоположение объекта от говорящего / пишущего (в нашем случае это было бы нахождение дипломата в стране пребывания, о которой он повествует), сколько в интенции противопоставления «своего (нашего)» и «чужого» (*este Gobierno – no está en armonía con el nuestro; este Imperio tiene más derecho que ninguna otra (nuestra. – O.H.) Potencia*).

Мы провели семантико-статистический анализ, позволивший выявить дейктические элементы, выступающие средством прагматического фокусирования и репрезентирующие интенцию авторов донесений детерминировать «своих» и «чужих». В представленных табл. 1, 2 показана частота использования дейктиков семантической области «свой – чужой» в разрезе соответствующих тем дипломатических документов.

Анализ частоты использования в текстах донесений дейктических средств с семантикой «своего» (*nuestra América, nuestras costas etc.*) и семантикой «чужого» (*otra potencia, esta corte, esta soberana, aquel país etc.*) показал, что наибольшее их количество сосредоточено в тех тематических областях, в которых вербализируется напряженность и конфликт интересов государств.

Таблица 1

**Дейктики, маркирующие категорию «свой»:
подсчет абсолютной частоты (АЧ) использования**

Значение	Лексемы	Общее кол-во употреблений (АЧ)	Об отношении Испании к освоению русскими американского континента	О торговых делах Испании и России	Об испано-русско-французских отношениях в контексте вмешательства держав в политические вопросы Испании
свой	<i>nuestra América</i>	6	3	—	3
	<i>nuestras costas / nuestros territorios</i>	9	4	—	5
	<i>nuestros puertos</i>	5	5	—	—
	<i>nuestro establecimiento</i>	3	3	—	—
	<i>nuestra frontera</i>	2	2	—	—
	<i>nuestras armas</i>	2	2	—	—
	<i>nuestros navios</i>	2	2	—	—
	<i>nuestro comercio</i>	3	—	3	—
	ИТОГО:	32	21	3	8
	ИТОГО, %	100	65,62	9,38	25

Таблица 2

**Дейктики, маркирующие категорию «чужой»:
подсчет абсолютной частоты (АЧ) использования**

Значение	Лексемы	Общее кол-во употреблений (АЧ)	Об отношении Испании к освоению русскими американского континента	О торговых делах Испании и России	Об испано-российско-французских отношениях в контексте вмешательства держав в политические вопросы Испании
чужой	aquel imperio	6	—	6	—
	aquel país	5	3	—	2
	aquellos establecimientos	3	3	—	—
	aquella nación	4	—	1	3
	otra potencia	10	10	—	—
	otros pueblos	1	1	—	—
	otras cortes	3	—	—	3
	otras naciones	8	4	—	4
	este imperio	3	—	3	—
	este gobierno	4	1	1	2
	esta corte	15	8	4	3
	esta soberana / este monarca / este imperador	12	8	1	3
	esta nación	3	3	—	—
	este ministerio	8	5	—	3
	ИТОГО:	83	46	16	21
	ИТОГО, %	100	55,42	19,28	25,30

Наряду с дейксисом, имплицитным средством персуазивного воздействия в дипломатических отчетах является экспрессивно-оценочная лексика, она «наводит фокус» на значимые с позиции адресанта фрагменты текста. Например, в своем сообщении Первому министру испанского правительства посланник маркиз де Альмодовар¹ описывает этапы освоения русскими восточных территорий – Сибири и Камчатки, приводя оценку народностям, исконно населяющим эти области.

*En el año de 1730, Mr. Pawluzki Capitán de Infantería, y el Jefe de los Cosacos de Yakutsk llamado Schestakow tuvieron orden de la Corte de Rusias de reducir a la obediencia a los Tschuktschi **Pueblo feroz, y obstinadamente rebelde** [14]. В 1730 году пехотный командир майор Павлуцкий и атаман якутских казаков Шестаков получили приказ двора российской императрицы привести к повиновению чукчей – **жестокий, упрямый и непокорный народ** [9. С. 73].*

¹ Маркиз де Альмодовар (*Marqués de Almodóvar*) (1727–1794) происходил из древнего и знатного испанского рода, в 1761–1763 гг. находился на посту постоянного дипломатического представителя Испании в России.

В заключительной части донесения от 1792 г. испанский консул Антонио де Коломби¹ делает вывод о том, насколько важно и плодотворно может быть сотрудничество между Россией и Испанией. Обращают на себя внимание противопоставленные друг другу лексемы с выраженной оценочностью (*beneficios y ventajas – la envidia y la emulación*).

...no puede menos de comprenderse que las ha destinado la Providencia para comunicarse mutuamente los beneficios y ventajas, que trae el Comercio a la humana sociedad, sin que la envidia y la emulación puedan ponerle cotos, a vista de lo que exige de una, y otra de su propia conservación y prosperidad [39]. *...необходимо понимать, что самой судьбой нашим странам определена честь сообща разделять выгоду и пользу, которую торговля приносит человеческому обществу, не позволяя зависти и соперничеству нарушить сие, с тем чтобы обе стороны прилагали наибольшие усилия на ее сохранение и процветание* [9. С. 191].

В другом своем отчете от 1792 г. испанский консул составил портрет личности Екатерины Великой, обратив внимание на такие приписываемые ей качества, как *inteligencia y sabiduría* – ум и мудрость; *talentos superiores* – выдающиеся таланты; *mucha experiencia en el arte* – глубокие познания в искусстве правления, и контрастирующие с ними *el amor propio y la vanagloria* – самолюбие и тщеславие. Сам контраст в соседствующих микрореконтекстах привлекает внимание читателя.

La Emperatriz ha sido desde mucho tiempo el objeto de la admiración de toda Europa, donde la consideran como un prodigio de inteligencia y sabiduría, colmándola de los mayores elogios y alabanzas, a que en parte es acreedora. Con efecto, no se la pueden negar talentos superiores al común de los humanos, mucha experiencia en el arte de reinar y una vasta instrucción adquirida por el estudio y frecuencia o con los sabios de varias naciones que ha atraído a su Corte. <...> Además, el amor propio y la vanagloria que descubre el increíble fausto y pompa con que se celebra el más mínimo suceso, hacen igualmente un contraste con el genio filosofo que atribuye el vulgo a esta Soberana, lo que ha infundido en todos sus vasallos, grandes y chicos, la misma vanagloria de que ella da el ejemplo [40]. Императрица с давних пор является объектом восхищения во всей Европе, где ее считают чудом ума и мудрости, осылая ее величайшими похвалами и комплиментами, которых она отчасти заслужила. В самом деле, ей нельзя отказать в талантах, превосходящих обычные человеческие, большом опыте в искусстве правления и всестороннем образовании, полученном путем обучения и личного общения с мудрецами разных наций, которых она привлекала к своему двору. <...> Кроме того, самолюбие и тщеславие составляя контраст с философским гением, обычно приписыва-

¹ Антонио де Коломби (*Antonio de Colombi y Payet*) (1749–1811) был направлен в 1773 г. в Санкт-Петербург для активизации испанской торговли и судоходства в российских портах и вскоре основал контору, занимавшуюся преимущественно поставкой испанских вин в Россию. В 1785 г. он занял должность испанского консула в Петербурге.

емом сей Государыне, находят отражение в невероятной роскоши и помпезности, с коей празднуется наималейшее событие, все это она привила своим подданным, всем – от мала до велика, подавая им пример своим тщеславием (перевод наш. – О.Н.)

В ином примере донесения первой четверти XIX в., составленного испанским поверенным в делах в России Педро Алькантара Аргайсом, повествуется о контрреволюционерах, поддерживающих восстановление абсолютизма в Испании, опубликовавших свое политическое заявление. Дипломат указывает на то, что французский король (кровный родственник испанского короля по династической линии Бурбонов) является сторонником этих мятежников и оказывает им всяческое содействие. Такие лексемы, как *perfidia y de falsedad, estos hombres sostenidos por bayonetas*, с выраженной негативной коннотацией, демонстрируют отношение адресанта к объекту оценивания.

Dije que no era mi intención rebatir este documento modelo de perfidia y de falsedad pero que no podía menos de leerle el artículo 5, cuyo contenido debía alarmar a la Nación española al creer a estos hombres sostenidos por bayonetas de un Rey aliado a S.M. por vínculos de sangre... [35]. Я сказал, что в мои намерения не входило опровергать этот документ образцового вероломства и лжи, но я не мог не прочесть ему статью пятую, содержание которой должно встревожить испанский народ, как и вера этим людям, поддерживаемым штыками короля – союзника Его Величества, связанного с ним кровными узами...

Дополнительно отметим, пользуясь классификацией оценочных значений Н.Д. Арутюновой [41], что в дипломатических донесениях преимущественно фигурирует этическая и интеллектуальная оценка в отношении представителей государств, а также утилитарная и нормативная оценка. Представляется, что выбор соответствующих оценочных значений обусловлен спектром информации о стране пребывания дипломата, необходимой для передачи во внешнеполитическое министерство.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что с точки зрения функционально-прагматической направленности, в дипломатическом донесении реализуются информативная и персуазивная функции, границы которых стираются благодаря внедрению в текст средств прагматического фокусирования. Для авторов рассмотренных дипломатических документов второй половины XVIII – первой четверти XIX в. характерным являлось употребление дейксиса (указательных, притяжательных, неопределенных прилагательных) как способа демаркации «своих» и «чужих». Семантико-статистический анализ показал, что наибольшее количество дейктических средств в сочетании с другими лексемами, относящимися к семантической области «свой» (*nuestra América, nuestros territorios*) – 65,62% и области «чужой» (*aquel imperio, esta nación etc.*) – 55,42% сконцентрированы в документах, вербализующих тему возможного конфликта и соперничества

держав «Об отношении Испании к освоению русскими американского континента».

Указательное прилагательное *este*, используемое в рассмотренных контекстах без антецедента в качестве частичной субституции имен собственных, способствует фокусированию внимания адресата на существенных с точки зрения адресанта отрезках текста и имплицитно дистанцирование последнего от объекта высказывания (другого государства и его правителей и т.п.).

Значимую роль в аспекте прагматического фокусирования занимает лексическая оценка, которая способствует формированию у адресата дипломатического донесения предопределенного адресантом образа другой страны. Исследование показало, что дипломаты использовали экспрессивно-оценочную лексику для убеждения своего руководства, с одной стороны, в экспансионистском характере политики Российской империи (*conquistas ventajosas, vastos proyectos de invasión*), а с другой, – в необходимости торгового взаимовыгодного сотрудничества (*los beneficios y ventajas, prosperidad que trae el Comercio*). Также аксиологически амбивалентным представляется портрет Екатерины II (*inteligencia y sabiduría, talentos superiores el amor propio y la vanagloria*).

Перспективным видится накопление нового материала и дальнейшая разработка проблематики воздействующего потенциала языковых средств в дипломатическом дискурсе различных исторических периодов.

Список источников

1. Беляков М.В. Семантико-семиотические аспекты дипломатического дискурса // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 1. С. 59–66.
2. Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.
3. Волоскова А.В. Иноязычные слова в дипломатической терминологии начала XVIII века // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969. С. 31–44.
4. Петрова М.А. Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй половине XVIII в. // Институт славяноведения РАН. ЦЭИ. 2019. Вып. 2 (11). С. 35–60.
5. Остапенко О.Г. Сравнительно-сопоставительный анализ дипломатической и административной терминологической лексики: на основе документов дипломатических контактов России и Англии XVI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 160 с.
6. Похолкова Е.А., Альварес Солер А.А. Особенности перевода документов по историко-культурному наследию России в испанских архивах // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 150–162.
7. Калинина И.Ю. Дипломатическая лексика как отражение испанско-русских взаимоотношений (на материале одного дипломатического документа XVIII в.) // Романские языки в прошлом и настоящем : сб. ст. к 80-летию профессора Тамары Александровны Репиной. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 54–63.
8. Диттрих А.Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 42–52.
9. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов) : монография в документах / сост., под общ. ред. А.Ю. Петрова; ред.-сост. В.Н. Косторниченко. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2020. 248 с.

10. Косторниченко В.Н. Русская и Испанская Америка в XVIII веке: внешнеполитическая борьба за тихоокеанский фронт // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 67–81.
11. Нарочинский А.Л. Испания 1808–1823 гг. глазами российских дипломатов // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 41–52.
12. Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128–143.
13. Кравец Т.Н. Дискурсивные особенности современной дипломатической коммуникации // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова. 2017. Т. 12, № 5. С. 54–63.
14. Informe sobre los Descubrimientos de los Rusos en las Costas de la América en las expediciones hechas en el Mar Pacifico desde Kamtschatka, San Petersburgo, 7 de octubre de 1761. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.
15. Кожетева А.С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса: на материале вербальных нот : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 193 с.
16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
17. Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre los descubrimientos rusos en América, San Petersburgo, 19/8 de marzo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100.
18. Терентий Л.М. Интенциональная структура дипломатического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 447 с.
19. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : Междунар. отношения, 2004. 576 с.
20. Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, referente a la exploración del territorio entre Kamchatka y América, San Petersburgo, febrero del 1773. Archivo General de Indias, Estado 20.1.
21. Литвак Н.В. Становление дипломатической службы как рефлексивного института: обоснование концепции : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 370 с.
22. Богданова О.А. Цвето- и светообозначения как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 202 с.
23. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник. М. : Флинта: Наука, 2004. 496 с.
24. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка / пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной; вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. 2-е изд. М. : Прогресс, 2000. 501 с.
25. Безус С.Н. Староиспанское деловое письмо: морфосинтаксический аспект. М. : РУСАЙНС, 2023. 156 с.
26. Иванова С.В. Дейктико-аксиологическая природа лингвокультурологической категории «свой – чужой» // Homo loquens в языке, культуре, познании : сб. науч. ст. к 70-летию профессора Б.З. Мурсова. Ч. I / отв. ред. З.З. Чанышева: Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. С. 120–132.
27. Матвеева А.А. Дейксис как маркер категории «свой – чужой» // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 47–52.
28. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 197 с.
29. Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London : Sage, 1998. 390 p.
30. Fowler R. Language in the news. Discourse and Ideology in the Press. London ; New York : Routledge, 1991. 254 p.
31. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.

32. Петров А.Ю. К вопросу о противостоянии Российской империи и западных держав на тихоокеанском севере в XVIII в. // Евразийский ежегодник. 2024. № 2. С. 356–372.
33. Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones de la emperatriz rusa de continuar las conquistas en el continente americano, San Petersburgo, 30 de abril / 11 de mayo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.
34. Carta № 64 del enviado español en Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones del gobierno ruso de entrar en los territorios de China y Japón con las fuerzas armadas bajo el mando del general británico Lloyd, San Petersburgo, 26 de abril / 7 de mayo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.
35. Borrador № 145 del despacho de Pedro Alcántara Argaiz, encargado de negocios de España en Rusia, a Evaristo Fernández San Miguel, secretario de Estado, San Petersburgo, 20 de octubre de 1822. Archivo Histórico Nacional, Estado 6. 132.
36. Carta № 108 del Encargado de Negocios en Rusia, Pedro Alcántara Argaiz, a Francisco Martínez de la Rosa, secretario de Estado, San Petersburgo, 27 de junio de 1822. Archivo General de Indias, Estado 90. 91.
37. Красавина О.Н. Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе // Вопросы языкознания. 2004. Вып. 3. С. 51–68.
38. González-Pérez M.A. Dependencia contextual e interpretación: demostrativos y pronombres en español. Tesis doctoral. The Ohio State University, 2010. 202 p.
39. Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia, Madrid, 14 de enero de 1792. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691.
40. Informe del cónsul Antonio de Colombi al secretario de Estado del Gobierno español, Conde Floridablanca José Monino y Redondo sobre el carácter y sujetos que gobiernan el Imperio Ruso, sobre el comercio con Rusia y cómo fomentarlo, sobre el estado civil, político y militar de Rusia, su población, sus rentas y gastos ordinarios y las deudas que ha contraído con motivo de sus últimas guerras. San Petersburgo, 14 de enero de 1792. Archivo Histórico Nacional, Estado 4631.
41. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

References

1. Belyakov, M.V. (2011) Semantiko-semioticheskie aspekty diplomaticheskogo diskursa [Semantico-semiotic aspects of diplomatic discourse]. *Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 1. pp. 59–66.
2. Sergeev, F.P. (1971) *Russkaya diplomaticheskaya terminologiya XI–XVII vv.* [Russian Diplomatic Terminology of the 11th–17th Centuries]. Chişinău: Kartia Moldoveniaske.
3. Voloskova, A.V. (1969) Inoyazychnye slova v diplomaticheskoy terminologii nachala XVIII veka [Foreign words in diplomatic terminology of the early 18th century]. In: *Vzaimodeystvie yazykov* [Language Interaction]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 31–44.
4. Petrova, M.A. (2019) Yazykovye praktiki rossiyskikh i avstriyskikh diplomatov vo vtoroy polovine XVIII v. [Language practices of Russian and Austrian diplomats in the second half of the 18th century]. *Institut slavyanovedeniya RAN*. 2 (11). pp. 35–60.
5. Ostapenko, O.G. (2015) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz diplomaticheskoy i administrativnoy terminologicheskoy leksiki: na osnove dokumentov diplomaticheskikh kontaktov Rossii i Anglii XVI–XVII vekov* [Comparative-contrastive analysis of diplomatic and administrative terminological lexicon: based on documents of diplomatic contacts between Russia and England in the 16th–17th centuries]. Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Pokholkova, E.A. & Alvares Soler, A.A. (2018) Osobennosti perevoda dokumentov po istoricheskoy-kul'turnomu naslediyu Rossii v ispanskikh arkhivakh [Features of translation of

documents on Russia's historical-cultural heritage in Spanish archives]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 4 (793). pp. 150–162.

7. Kalinina, I.Yu. (2007) Diplomaticeskaya leksika kak otrazhenie ispansko-russkikh vzaimootnosheniy (na materiale odnogo diplomaticeskogo dokumenta XVIII v.) [Diplomatic lexicon as reflection of Spanish-Russian relations (based on one diplomatic document of the 18th century)]. In: *Romanskie yazyki v proshlom i nastoiashchem* [Romance Languages in the Past and Present]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology. pp. 54–63.

8. Dittrich, A.G. (2023) Sovremennye oblasti pragmalingvisticheskikh issledovaniy [Modern areas of pragmalinguistic research]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*. 4. pp. 42–52.

9. Petrov, A.Yu. (ed.) (2020) *Rossiya i Ispaniya na severo-zapade Ameriki vo vtoroy polovine XVIII veka (po materialam ispanskikh arkhivov)* [Russia and Spain in the Northwest of America in the Second Half of the 18th Century (Based on Spanish Archives Materials)]. Ryazan: Ryazan State University.

10. Kostornichenko, V.N. (2020) Russkaya i ispanskaya Amerika v XVIII veke: vneshnepoliticheskaya bor'ba za tikhoookeanskiy frontir [Russian and Spanish America in the 18th century: geopolitical struggle for the Pacific frontier]. *Latinskaya Amerika*. 11. pp. 67–81.

11. Narochitskiy, A.L. (1988) Ispaniya 1808–1823 gg. glazami rossiyskikh diplomatov [Spain 1808–1823 through the Eyes of Russian Diplomats]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 41–52.

12. Irkhin, Iu.V. (2014) Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie [Discourse analysis: essence, approaches, methodology, design]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 128–143.

13. Kravets, T.N. (2017) Diskursivnye osobennosti sovremennoy diplomaticeskoy kommunikatsii [Discursive features of modern diplomatic communication]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deiatel'nosti. Nizhegorodskiy gos. lingvisticheskiy universitet im. N.A. Dobrolyubova*. 5 (12). pp. 54–63.

14. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1761) *Informe sobre los Descubrimientos de los Rusos en las Costas de la América en las expediciones hechas en el Mar Pacífico desde Kamtschatka. San Petersburgo, 7 de octubre de 1761*.

15. Kozhetova, A.S. (2012) *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki diplomaticeskogo diskursa: na materiale verbal'nykh not* [Linguopragmatic characteristics of diplomatic discourse: based on verbal notes]. Philology Cand. Diss. Moscow.

16. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis.

17. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1773) *Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre los descubrimientos rusos en América, San Petersburgo, 19/8 de marzo de 1773*.

18. Terentiy, L.M. (2016) *Intentsional'naya struktura diplomaticeskogo diskursa* [Intentional Structure of Diplomatic Discourse]. Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Popov, V.I. (2004) *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya – nauka i iskusstvo* [Modern Diplomacy: Theory and Practice. Diplomacy – Science and Art]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

20. Archivo General de Indias, Estado 20.1. (1773) *Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, referente a la exploración del territorio entre Kamchatka y América, San Petersburgo, febrero del 1773*.

21. Litvak, N.V. (2018) *Stanovlenie diplomaticeskoy sluzhby kak reflektivnogo instituta: obosnovanie kontseptsii* [Formation of the diplomatic service as a reflexive institution: justification of the concept]. Sociology Dr. Diss. Moscow.

22. Bogdanova, O.A. (1999) *Tsveto- i svetoookazaniya kak odna iz form pragmaticheskogo fokusirovaniya v strukture khudozhestvennogo teksta* [Color and light designations as one of the forms of pragmatic focusing in the structure of a literary text]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.

23. Babenko, L.G. & Kazarin, Iu.V. (2004) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice]. Moscow: Flinta: Nauka.
24. Byuler, K. (2000) *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of Language: Representative Function of Language]. Translated from German by T.V. Bulygina. 2nd ed. Moscow: Progress.
25. Bezus, S.N. (2023) *Staroispanское деловое письмо: морфосинтаксический аспект* [Old Spanish Business Letter: Morphosyntactic Aspect]. Moscow: RUSAYNS.
26. Ivanova, S.V. (2010) Deiktiko-aksiologicheskaya priroda lingvokulturologicheskoy kategorii "svoý – chuzhoý" [Deictic-axiological nature of the linguocultural category "own – alien"]. In: Chanysheva, Z.Z. (ed.) *Homo loquens v yazyke, kul'ture, poznanii* [Homo Loquens in Language, Culture, Cognition]. Part 1. Ufa: Bashkir State University. pp. 120–132.
27. Matveeva, A.A. (2007) Deiksis kak marker kategorii "svoý – chuzhoý" [Deixis as a marker of the category "own – alien"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13. pp. 47–52.
28. Nikitina, K.V. (2006) *Tekhnologii rechevoy manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI (na materiale gazet SShA)* [Technologies of speech manipulation in the political discourse of mass media (based on us newspapers)]. Philology Cand. Diss. Ufa.
29. Dijk, T.A. van. (1998) *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage.
30. Fowler, R. (1991) *Language in the news. Discourse and Ideology in the Press*. London; New York: Routledge.
31. Wodak, R. (1997) *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Translated from English and German by V.I. Karasik & N.N. Troshina. Volgograd: Peremena.
32. Petrov, A.Iu. (2024) K voprosu o protivostoyanii Rossiyskoy imperii i zapadnykh derzhav na tikhookeanskom severe v XVIII v. [On the confrontation between the Russian Empire and Western powers in the Pacific North in the 18th century]. *Evraziyskiy ezhegodnik*. 2. pp. 356–372.
33. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1773) *Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones de la emperatriz rusa de continuar las conquistas en el continente americano, San Petersburgo, 30 de abril / 11 de mayo de 1773*.
34. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. (1773) *Carta № 64 del enviado español en Rusia, Conde Lacy, al secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones del gobierno ruso de entrar en los territorios de China y Japón con las fuerzas armadas bajo el mando del general británico Lloyd, San Petersburgo, 26 de abril / 7 de mayo de 1773*.
35. Archivo Histórico Nacional, Estado 6.132. (1822) *Borrador № 145 del despacho de Pedro Alcántara Argáiz, encargado de negocios de España en Rusia, a Evaristo Fernández San Miguel, secretario de Estado, San Petersburgo, 20 de octubre de 1822*.
36. Archivo General de Indias, Estado 90. 91. (1822) *Carta № 108 del Encargado de Negocios en Rusia, Pedro Alcántara Argáiz, a Francisco Martínez de la Rosa, secretario de Estado, San Petersburgo, 27 de junio de 1822*.
37. Krasavina, O.N. (2004) Upotreblenie ukazatel'noy gruppy v russkom povestvovatel'nom diskurse [Use of the demonstrative group in Russian narrative discourse]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 51–68.
38. González-Pérez, M.A. (2010) *Dependencia contextual e interpretación: demostrativos y pronombres en español* [Contextual dependence and interpretation: demonstratives and pronouns in Spanish]. Doctoral Thesis. Columbus, Ohio.
39. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691. (1792) *Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia, Madrid, 14 de enero de 1792*.
40. Archivo Histórico Nacional, Estado 4631. (1792) *Informe del cónsul Antonio de Colombi al secretario de Estado del Gobierno español, Conde Floridablanca José Monino y*

Redondo sobre el carácter y sujetos que gobiernan el Imperio Ruso, sobre el comercio con Rusia y cómo fomentarlo, sobre el estado civil, político y militar de Rusia, su población, sus rentas y gastos ordinarios y las deudas que ha contraído con motivo de sus últimas guerras, San Petersburgo, 14 de enero de 1792.

41. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Нешкес О.В. — канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: nesh_86@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Neshkes, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nesh_86@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 05.12.2025.*

*The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 05.12.2025.*